

НАШ ГОРОД

Я смотрю восторженно на город,
На домов знакомых белизну.
Вижу и не старость, и не горе, –
Трудовую юность и весну.

Новостройки – фабрики, заводы...
Города родного не узнать.
Стали с Волги, с Камы пароходы
К нам по Черемшану приплывать.

Поднялись над гладью голубую
Светлые ДААЗа корпуса.
Целится высотной трубой
Автоспутник ВАЗа в небеса.

Не стареет наш любимый город,
Юности порывы в нём живы.
Он растёт, идёт упрямо в гору,
Озарённый звёздами Москвы.

ЦВЕТОК

Казалось, это дождь певучий,
Когда над лесом проходил,
Его сюда с последней тучи
Неосторожно обронил.

Он был росой посеребрен,
Что ни росинка – то слеза.
А мне казалось: смотрят с верой
Твои любимые глаза.

РАНЫ ВЫ СВОИ РАЗБЕРЕДИЛИ...

Заняты все койки и диваны.
Приглушил ночные шумы сквер.
Спят войны великой ветераны,
Набродившись за день по Москве.

Пиджаки и кители в наградах,
Не от них ли в комнате светло?
Как сюда, российские солдаты,
И каким вас ветром занесло?

Каждый неизвестному солдату
Все слова из сердца вынимал...
Поздравляя с праздничною датой,
Генерал вам руки пожимал.

Раны вы свои разбередали:
Вскрикнет вдруг во сне один, другой.
Треть из тех, вернувшихся домой,
Вас осталось – годы не щадили!..

Только ль годы!.. Чтобы не нарушить
Сна, сдержала свой полёт листва.
Затихает, распахнув вам души,
Вами защищённая Москва.



Дмитрий ДУДКИН (1909–1998)

Прозаик, драматург, поэт Дмитрий Константинович Дудкин (18.02.1909, станица Ессентукская, ныне Предгорного р-на Ставропольского края – 16.05.1998, г. Ульяновск). С 1928 года жил в Москве. По ходатайству С.М. Эйзенштейна был зачислен во ВГИК (окончил в 1932). Встречался с В.Б. Шкловским, В.В. Маяковским, был знаком с А.И. Солженицыным. В 1948 году за политическую неблагонадёжность был выслан в Сталинабад (ныне Душанбе). Член Союза писателей СССР (1949). С конца 1960-х годов жил в Ульяновске, вёл на автозаводе литобъединение «Горизонт». Писал стихи, песни, прозу. Автор более 30 пьес, издал книги «Прометеев огонь» (1964), «Правофланговый» (1969) и др.

ПАМЯТИ Н. РЯБИНИНА

Ушёл он скромно, незаметно,
Как жил.
В тиши очнулась предрассветной
Полоска ржи.
Да жаворонок утром где-то
Ушёл в зенит.
Как птица, нам душа поэта
В стихах звенит...

ЖИВУ И НАДЕЮСЬ

Где бы я ни был, что бы ни делал,
Легче мне жить, если люди вокруг.
Живу и надеюсь: во всём свете белом
Есть у меня не единственный друг.

И если в жизни беда приключится,
Добрые люди сомкнутся вокруг.
Они мне помогут встать, укрепиться,
Я обопрюсь о них – каждый мне друг.

Мир эти люди, как солнце, осветят,
Если их всех вместе сложить.
Больше хороших людей на свете, –
И потому продолжается жизнь!

СОЛНЦЕ В ПРОЛОМЕ

*Бейрутский скульптор Фарез Гасуб
отливает свои статуи погибших
ливанцев из осколков бомб,
снарядов и ракет...*

Из газетных сообщений

На бесплодной земле Ливана,
Где людям жить и умереть недосуг,
Урожай свой собирает утром рано
Бейрутский скульптор – Фарез Гасуб.

Ещё тёплые он подбирает осколки
От бомб, снарядов, ракет и пуль.
Металл в рюкзаке, тяжёлый и колкий,
Удлиняет ему к дому путь.

А в доме светло, тихо и пусто.
Солнце в проломе – хоть картину пиши.
Не с кем слово сказать,
 когда тебе грустно.
И некому пожалеть: в доме нет ни души.

Быть живым или мёртвым –
 неизвестно, что хуже.
Отец и мать остывшими глазами
 смотрят в пролом.
Он отлил их из осколков,
 взятых из грязной лужи,
И теперь им на свете – всё нипочём.

Осколки Гасуб
научился собирать у Рустама, –
Тот продавал их, как сувениры,
на ближнем углу.
Он просил столько,
чтоб накормить братца Хасана
И его сестрёнку – маленькую Лейлу.

А теперь они все живут в доме Фареза,
Отлитые из осколков, попавших в них.
Пусть сдохнут все янки –
 мастера стрелять и резать,
И стоять над убитым,
 пока он совсем не затих...

День придёт, и убийцы у народа
 попросят пощады.
 Перед ними встанут ливанцы,
 отлитые из металла ЮСА.
 Судьи скажут: «Просите у них,
 что вам надо».
 И увидят убийцы
 застывшие в гневе глаза.

БАЛЛАДА О БРЕСТСКОЙ ВОДЕ

Вот тут, у всей Европы на виду,
Стоят скульптуры – знаки непокорства.
Всем, задержавшим натиск вероломства
В том сорок первом проклятом году.

Забывший о себе, ползёт к воде
Солдат с пустой протянутою каской,
Ощупывает землю он с опаской
В кромешной ночи, в бешеной стрельбе.

– Пить... – шёпот девочки его тревожит.
А он наперкор своей судьбе
Он с сорок первого всё тянется к воде
И дотянуться до неё не может.

Ровесницы убитой той войной
С косичками весёлые девчушки
Увлечены игрой: черпают из речушки
И каску заполняют ту водой.

Над влагою живой, налитой всклень,
Склонились, загрузившие нечаянно.
Свет жалости сердечной, изначальной
В их отраженье зыблется, как тень.

Туманит лица тихая печаль.
Малышки смотрят в воду виновато:
Ведь им судьба солдат советских свята,
Им этих ран земли родимой жаль.

ШАГ К ПОБЕДЕ

Размышления у стен Брестской крепости

*Живым и павшим защитникам
Брестской крепости и вызвавшего их
из небытия мужественному, честному
советскому писателю С.С. Смирнову.*

Под небом праздничным и мирным
Пресветлой Родины моей
Глядятся красные руины
Из тех далёких чёрных дней.
Какая битва тут шумела
На лобном месте и окрест,
Что позже в мире прогремело
Железным словом: крепость Брест.
Над нами небо хлопотало,
И с той небесной высоты
Летело, рвало и метало
Твердь, стены, башни и мосты...
Не знали мы про сообщенье,
Что нами был оставлен Брест.
Мы пять недель вели сраженье
И не ушли из этих мест.
И что бы там ни говорилось,
Мы не устанем повторять:
«Нам просто крови не хватило,
Чтоб нашу крепость отстоять».
Им так красиво воевалось
В угаре силы и вина.
Лишь взята Россия оставалось.
Вошли – и началась война.

Они ещё не понимали,
 Что остановлены судьбой:
 Они на блицкриг уповали –
 С народом встретились войной.
 Народа малая частица,
 Мы были в нём, а он был в нас, –
 Его простёртая десница
 В тот грозный неминуемый час.
 Тут всё смешалось: честь и совесть,
 И нашей жизни красота,
 И наших дней счастливых повесть,
 И то, чем мы могли бы стать.
 И стали – притчей огненосной,
 Присловьем вещим, что их ждёт –
 Потомков вора Барбароссы,
 Весь этот бесноватый сброд.
 Как штурмовали, как ломались
 К нам те арийские скоты!
 А им уже могилы рылись,
 Росли берёзы – на кресты.
 Кто отступал – до смерти помнит:
 Идешь, тебе вослед глядят.
 Там пожалеют, тут накормят,
 А то – вдогон запустят мат.

Тогда всю горечь отступленья
 Стране изведать довелось.
 И только под Москвой в сраженьё
 Отбросить немцев удалось.
 А крепость? Все о ней узнали,
 Когда закончилась война:
 Там сохранили честь и знамя,
 Вписав в бессмертье имена
 Известных, без вести пропавших
 И оклеветанных молвой,
 Но не предавших, не продавших
 И устоявших пред хулой.
 Какая нравственная сила,
 Какая вера в нашу жизнь
 Их вознесла и вдохновила
 И так заставила прожить?
 А в крепости кто оставался
 В короткую ту злую ночь?
 И кто там яростно сражался,
 И кто сумел всё перевозмочь?
 Прискорбный факт, как говорится,
 Войска все были в лагерях,
 А здесь от тысяч – единицы,
 Когда на нас ударил враг.

И всё же мы не стушевались,
 Хоть многим было всё впервой.
 Мы как-то сразу все собрались
 И сразу завязали бой.
 Мы – это батальон пехоты,
 Наш звонкий музыкантский взвод,
 Ещё ребята с автороты –
 Надёжный, нашенский народ.
 И школа младших командиров,
 И командиры без частей, –
 Огнём, разящим с канониров,
 Незваных встретили гостей.
 Труднее не было работы
 У нас, захваченных войной.

Детей поили пулемёты
 Людью оплаченной водой.
 Сражался батальон пехоты,
 Чей полк был поднят в лагерях.
 Стояла насмерть авторота,
 И трепетал на башне флаг –
 Державный. Праздничный. Советский.
 Век незапятнанный наш стяг –
 Тот, что мелькал в ручонках детских,
 Тот, что вознёсся на рейхстаг.

На флаг защитники равнялись,
 Под ним мужали в том бою,
 В атаку грозно поднимались,
 Забыв про молодость свою, –
 Та школа командиров младших
 И юный музыкантский взвод
 Ещё живых, ещё не павших
 Шли на фашистский грязный сброд.
 Одни, не ожидая смены,
 Мы воевали с той ордой;
 Когда враги взрывали стены,
 Мы заменяли их собой.
 Мы бой вели из подземелья,
 Где нас ни сжечь, ни умертвить.
 И чтоб сломить сопротивление,
 Нас приказали затопить.
 Злодейства, подлости и срама
 Такого в мире не найти.
 Лишь только янки во Вьетнаме
 Смогли фашистов превзойти.
 Потом узнают, сколько было
 Нас, защищавших брестский флаг,
 А их дивизия пала,
 И каждый Гитлеру – земляк*.

В Москве всем почести и слава,
 Когда тот город будет взят, –
 Дивизия должна возглавить
 На Красной площади парад.
 Поскольку их впервые били,
 И чтобы это оправдать,
 Захватчики заговорили
 Про русский способ воевать.
 Мы их держали у порога,
 Да разве было им понять,
 Что как их против нас ни много,
 А Родина у нас – одна.
 Одна на всех и честь, и совесть,
 И молодость в расцвете сил,
 Но в том аду никто, опомнясь,
 У них пощады не просил.
 Прощаясь с Родиной, спешили
 На стенах резать письма.
 И с тем в бессмертье уходили,
 Имён не оставляя нам.
 На вечность славу не делили:
 Судьба у всех была одна.
 Мы сами всё определили,
 И что в том значат имена?!

Мы долгих пять недель сражались.
 И вот пришёл тот главный час:
 Все как-то сразу догадались –
 Стал немец опасаться нас.

Он робок стал и осторожен.
Зря не совался под огонь.
Короче, так был огорошен,
Что занемог в атаках он.
Запомнив все минуту эту,
Мы оглянулись на восход.
И не сыграл тут нам победу
Побитый музыкантский взвод.
Никто из нас не знал, не ведал,
Саму историю верша,
Что сделан первый шаг к Победе –
Тот самый трудный первый шаг...
И чтобы там ни говорилось,
Мы не устанем повторять:
«Нам просто крови не хватило,
Чтоб нашу крепость отстоять».

Под небом праздничным и мирным
Пресветлой Родины моей
Глядятся красные руины
Из тех далёких чёрных дней.
Среди руин играют дети,
Доверчиво на нас глядят.
Запомните: руины эти
И против «Першингов» стоят.

** Штурмовавшая Брестскую крепость 45-я дивизия
любимцев Гитлера состояла из его земляков.*



Ираида УЛЬЯНОВА (1931–1976)

Поэтесса Ираида Викторовна Ульянова (23.03.1931, г. Миасс Челябинской обл. – 16.02.1976, г. Ульяновск). Окончила Кишинёвский государственный университет (1958). Печаталась в литературном журнале «Днестр». Была знакома с московским поэтом Виктором Кочетковым, другом Николая Благова. Член Союза писателей СССР (1968). Не раз бывала в Ульяновске, в 1974–1976 годах жила и работала здесь по приглашению местной писательской организации. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Волга» и др. Автор поэтических сборников «Песнь о Котовском» (1962), «Звёздочка» (1965), «Мой город» (1967), «Край земли» (1969), «Апрель» (1970), «Чур, не я!» (1972), «Полдень» (1974), «Берёзовый дождь» (1975), «Есть трава подорожник» (1979) и др.

ВЕРИТЬ В ДОБРОТУ

РЯБИНА

Хотелось счастья бабьего –
Быть глупой да красивою,
Покорною быть, слабою...
А довелось быть сильною.

Быть довелось бедовую,
Да бойкой, да упрямою,
Не ягодкой садовою –
Лесною, терпкой, пряною.

А жизнь ко мне всё с кознями
За все мои старания –
У ней то вёсны поздние,
То заморозки ранние.

А сколько вьюга шала
Мне зимних песен выпела!
А только я не жалуясь,
Что мне такое выпало.

Ведь было счастья кроме-то
Такого, что не скажется!
И жизнь, морозцем тронута,
Ещё и слаще кажется...

Столько зим,
Столько лет
Мне и радость, и грусть,
Негасимый мой свет,
Моя милая Русь!

Из того далека,
Где родное – родней,
Как к воде родника,
Припадала я к ней.

И теперь её пью,
Пью – никак не напьюсь,
Речь родную твою,
Моя светлая Русь.

ОТТЕПЕЛЬ

Ну зачем и кому это нужно –
Этот неба неистовый блеск,
Эти травы, ожившие дружно,
И до срока проснувшийся лес?!

Всех и всё растревожил, измаял,
Растравил не ко времени, зря
Этот месяц с повадками мая
И с холодной душой января...